

В покоях дворца не было ни души. Он долго смотрел на ледяной гроб перед собой, прежде чем, наконец, медленно опустился на колени, прижавшись всем телом к холодной поверхности. Его пальцы осторожно касались гроба, словно пытаясь почувствовать то, что уже навсегда ушло.

В его глазах читалось невероятное изумление и глубокая, разрывающая сердце скорбь. В тишине пустого зала это чувство медленно, но неотвратимо превращалось в безмолвное отчаяние.

Он впервые увидел этого человека, когда ему было всего семь лет.

Даже в самом сложном и запутанном мире дворцовых интриг, где дети выросли слишком рано, они тогда были всего лишь детьми.

Трехлетний Аянь был маленьким и милым, с пухлыми щечками и крошечными ручками и ножками. Он походил на маленький комочек, такой милый, что его хотелось взять на руки, приласкать, поцеловать и слушать, как он сладким голоском называет его «старшим братом». В тот момент он почувствовал, что, держа этого малыша в руках, он словно обрел весь мир.

С появлением Аяня все прежние одиночество и холод в его жизни перестали иметь значение.

Император, стоявший на коленях у гроба, прижался лбом к ледяной поверхности, его пальцы непроизвольно сжались.

Когда же он впервые осознал, что его чувства к Аяню вышли за рамки дозволенного?

Наверное, когда они стали старше.

В тринадцать лет, в день рождения императрицы Сяо, собралось множество сыновей знатных семей. В одной из укромных комнат дворца двое детей, один за другим, спрятались там. Младший сын канцлера Сяо, примерно того же возраста, что и Аянь, воспользовавшись отсутствием взрослых, стал издеваться над ним.

Он случайно стал свидетелем этого и, не сдержавшись, несмотря на то, что был старше, сбил обидчика с ног и ударил его несколько раз.

Мальчик, поднявшись с пола, вместо того чтобы убежать, бросил на землю какой-то предмет и вызывающе закричал:

— Ты знаешь, где ты находишься? На землях моей тетки ты осмеливаешься обижать меня? Я покажу тебе, как это делать!

После этого он с громким плачем убежал.

Позже он узнал, что мальчик разбил редкую жемчужину, подаренную посланниками Царства Цзян, которая могла сохранять красоту.

Когда тот мальчик публично лгал, он хотел возразить, но, встретив взгляд императрицы Сяо, отказался от этой мысли и взял вину на себя, полностью защитив Аяня.

За это он заплатил кровью.

Императрица Сяо, обвинив его в неправильном воспитании, приказала на следующий день казнить его няньку.

Именно тогда он впервые ясно осознал, что власть, которой обладала императрица Сяо, могла решать жизнь и смерть людей одним словом.

А императрица Сяо была настоящей хозяйкой дворца.

В день смерти няньки шел сильный дождь. Он вернулся во дворец и, подавленный, стоял на коленях под дождем в своем дворе. Аянь все это время стоял рядом, плача и умоляя его не печалиться.

Он крепко обнял Аяня под дождем, но в душе думал, что больше никогда не потеряет его.

Хотя он уже был подростком, его не интересовали красивые служанки дворца или девушки из знатных семей. Он чувствовал, что больше всего на свете ему дорог только Аянь.

Но только в тот момент он понял, что любит Аяня так сильно, что хочет, чтобы тот остался с ним навсегда. Он не хотел, чтобы Аянь вырос, женился, он хотел, чтобы они всегда были вместе.

Аянь считал его старшим братом, но его чувства, вероятно, были другими.

Осознав свои чувства, он сам испугался. Ведь Аянь был так мал. Он понимал, что это неправильно, но не мог себя контролировать.

Тело императора, прижатое к гробу, слегка дрожало.

Он постепенно понял, что некоторые вещи нельзя упускать.

Смерть его любимой наложницы Чэнь ускорила его желание занять трон.

С этой целью он решил жениться на мисс Фан из дома Цзинго, чтобы окончательно разорвать все связи с Аянем.

Тогда он подумал, что так будет лучше. Ведь между ними все равно не было будущего.

В ночь свадьбы пошел сильный снег. На следующий день он неосознанно оказался в своем старом дворе. Под старым деревом альбиции он увидел Аяня, стоящего там. Тот не удивился его появлению, лишь слегка улыбнулся и сказал:

— Четвертый брат, посмотри, снег идет.

Он подошел, помолчал некоторое время и протянул ему платок из шелка:

— Это то, что оставила мне наложница Чэнь. Она сказала, что это ее вышивка времен ее девичества. Оставь это как память.

Это была единственная вещь, оставшаяся от наложницы Чэнь.

Аянь, услышав это, не проявил эмоций, лишь пустым взглядом посмотрел на небо:

— Это для того, чтобы разорвать связь.

Он ничего не сказал, быстро развернулся и ушел.

Словно больше не в силах сдерживаться, на поверхности гроба появились капли воды, которые

медленно растекались, не издавая ни звука.

Но он никогда не хотел, чтобы Аянь умер!

Он так хотел, чтобы Аянь жил счастливо!

Он думал, что, сблизившись с императрицей Сяо, женившись на дочери Цзинго, годами ведя открытые и скрытые интриги, он хотел лишь одного — защитить Аяня, чтобы тот мог жить спокойно, не неся ответственности за его эгоистичные и неправильные чувства, удалиться от императорской столицы, жениться, завести детей и прожить счастливую жизнь.

А всю ненависть Аяня он бы взял на себя.

Будь то ненависть к наложнице Чэнь или непоколебимость власти, он рано или поздно расправился бы с кланом Сяо.

Но почему Аянь не мог подождать!

Зачем он так его довел!

Зачем он умер!

Как он мог умереть...

Человек, лежавший на гробу, наконец медленно поднялся, словно вспомнив, что рядом с ним находятся вещи покойного. Его дрожащие пальцы открыли простую деревянную шкатулку, из которой он достал платок.

В исторических хрониках император Юй Чэн, который был грозным и решительным правителем, всю жизнь скрывал свои эмоции и чувства. Лишь немногие могли понять его истинные мысли, и никто не осмеливался пытаться угадать его намерения. Возможно, только в этот момент он проявил такую слабость.

Этот платок был тем самым, который он передал Аяню тринадцать лет назад под деревом альбиции.

Он развернул платок, и его взгляд внезапно застыл. В его глазах вспыхнула ярость, подобная крови.

Под изображением далеких гор и сосен была вышита строка, написанная кровью:

«На горе есть деревья, на деревьях есть ветви.

То, что я желаю, недостижимо, и это станет вечным сожалением».

Платок упал на пол, а мужчина, стоявший перед гробом, смотрел на знакомое лицо, застывшее во льду, с выражением, смешанным из слез и смеха. Он хрипло повторял имя:

— Аянь.

...пока его голос не сорвался.

Если душа может чувствовать, то даже в царстве мертвых она не забудет.

Внезапно он увидел, как много лет назад юноша шел по снегу, стоя под деревом альбиции, его лицо было размытым, но реальным. Он улыбнулся и сказал:

— Четвертый брат, снег идет.

Город Хуай был ближайшим к Царству Цзян городом в Царстве Юй. Расположенный у моря, он славился своим развитым судоходством и был известен как «Морской город».

Пристань города Хуай всегда была окружена водой, голубой, как небо, а вдали горизонт казался бескрайним.

Благодаря активной морской торговле, город Хуай по уровню процветания не уступал соседнему городу Юнь. Семья Гу владела здесь множеством предприятий, и именно здесь Гу Хуайюй планировал развивать свои дела.

В этот момент, в доме семьи Гу в городе Хуай, Гу Хуайюй листал полученные донесения, и его сердце все больше сжималось от тревоги. В его глазах не было ничего, кроме мрака.

Все еще нет новостей.

Цзя, где же ты сейчас? Куда мне искать тебя?

Тревога в сердце Гу Хуайюя становилась все сильнее с каждым днем. Иногда он даже думал с отчаянием, что, если сейчас нет новостей, возможно, это все же хороший знак.

Лучше, чем услышать настоящую трагическую весть.

<http://bllate.org/book/17686/1650008>